

McQuail D. Mass Communication Theory. An Introduction. London, 1987.

Postman N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. New York, 1985.

Сокращения названий источников текстового материала

Б — Информационная агенция Блиц, *blitz.bg*; *ББТ* — телевизия «ББТ»; *БФ* — Булфакс, *bulfax.com*; *В* — з. «Вестникът»; *ВВ* — Вбок7, *vbox7.com*; *ВН* — Varna News, *varnanews.com*; *Г* — Гонз, *gong.bg*; *Гл* — з. «Гласове»; *ДБз* — ДнесБз, *dneseb, bg*; *ДН* — Дарик нюз, *darknews.bg*; *ДТ* — з. «Дневен труд»; *ЕВ* — Е-вестник, *e-vestnik.bg*; *ЕН* — Екипнюз, *ekipnews.com*; *И* — *ivo.bg*; *Ка* — Калдата, *kaldata.com*; *Л* — *liternet.bg*; *МП* — Медиапул, *mediapool.bg*; *Н* — з. «Новинар»; *НБз* — Новини Бз, *novini.bg*; *НС* — Новспорт, *novsport.com*; *Р* — з. «Република»; *Ра* — Разкрития, *razkritia.com*; *РН* — Русе нюз, *ruse-news.com*; *РП* — Радио Пловдив, *radioplovdiv.bg*; *С* — з. «Сега»; *Ст* — з. «Стандарт»; *Св* — Свежо нет, *svejo.net*; *ФН* — Фрогноз, *frognews.bg*; *24ч* — з. «24 часа».

Галина Анатольевна Копнина,
Александр Петрович Сквородников,
Сибирский федеральный университет

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ ЖУРНАЛИСТОВ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ СРЕДСТВ РЕЧЕВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

Элитарная речевая культура подразумевает компетенцию журналиста в использовании выразительных средств языка и речи, называемую по-разному: риторической [Иванчук 2005: 3], коммуникативной [Кормилицына 2011: 12], экспрессиологической [Сквородников, Копнина 2009: 9]. Эта компетенция предполагает в частности прагматически оправданное употребление тропов и стилистических фигур, традиционно относимых к разряду средств речевой выразительности. Случаи неудачного использования выразительного средства могут рассматриваться как коммуникативная неудача.

В газетно-публицистических текстах широко используется метафора, операциональным принципом продуцирования которой является семантическая транспозиция по сходству: сопоставляемые объекты должны иметь такой общий признак, который является существенным для создания семантической двуплановости. Если такового признака нет, перед нами неудачная метафора, которая не указывает в предмете на что-то новое, необычное. Например, в заметке под названием *Последняя клизма для сада* (АиФ. 2002. № 39) речь идет о необходимости обильно поливать осенью деревья в саду, или, как плеонастически выразился сам автор, осуществлять «влагозарядный полив». Основание для переноса вроде бы понятно, однако такой перенос осуществляется по несущественному признаку, который приводит к нежелательным с точки зрения замысла статьи ассоциациям. Или другой пример: В городе трех революций настал черед четвертой — сексуальной. Мне подумалось, что и остальные россияне не должны оставаться в стороне, и под лозунгом «сексу — да, войне — нет» провела беседу с популярнейшим в Питере врачом-сексологом, профессором Львом Щегловым — истинным художником своего дела (Сибирский календарь. 20.02.2002). Метафора истинный художник своего дела неудачна применительно к профессии сексолога, поскольку между работой сексолога и художника трудно найти сходство.

В некоторых случаях основания для переноса остаются для читателя вообще непонятными, как, например, в следующем высказывании: Мы, пишушие, конкретно и образно передаем каждому новому поколению людей всю сумму накопленной мировой информации. Из рук в руки, из книг в книги. Из собственного ума в хранилища суммарного разума ноосферы (Красноярский рабочий. 15.06.2002). Перед нами метафора *хранилище суммарного разума ноосферы*, которая должна расцениваться как речевой недочет, поскольку она представляет собой чрезмерное наизывание отвлеченных понятий, затемняющих ее семантическую мотивированность и не способствующих наглядности словесного образа.

Другой пример неудачной метафоры: Умение красиво излагать мысли — одна из песчинок *в Ледовитом океане счастья*

(Сегодняшняя газета. 09.10.2003) — почему счастье названо океаном понятно, но почему Ледовитым? Ведь *ледовитый* образовано от слова *ледовый* и семантически связано со словами *холод*, *стужа*, в отличие от слова *счастье*, которое ассоциируется с теплотой и любовью. А. П. Горбунов пишет, что правомерность метафоры зависит от смысловой структуры слова, от возможности сопоставления в нем прямого и переносного значения и что «без такого сопоставления нет словесного образа, есть лишь красивая языковая погрешка» [Горбунов 1974: 80].

Обратный случай — когда основание переноса понятно и закономерно, однако метафора неудачна: Прочсть завещание Виктора Петровича Астафьева мы все теперь можем благодаря Геннадию Сапронову, издателю его новой книги «Пролетный гусь». Вышедшая в Иркутске, она собрала произведения, написанные в последний, на редкость урожайный, год жизни Виктора Петровича (Российская газета. 20.06.2002); В 40-е годы XX века в Лондоне на ниве вампиризма *трудился некий Джан Джорш Хейг*. Следствием было установлено, что мистер Хейг убивал свои жертвы, выпивал их кровь, а затем бросал тела в чан с серной кислотой (Сибирский календарь. 12.09.2001). Метафора урожайный год является результатом неумения журналиста «оживлять» речевые штампы, метафора же *на ниве вампиризма*, кроме этого, еще и алогична (неудачный оксюморон, вызывающий неуместную в данном контексте иронию).

Сравнение заключается в образном уподоблении разнородных объектов по какому-либо признаку. Соответственно, если у объектов нельзя выделить (в том числе на основе субъективных ассоциаций) черты сходства, сравнение неудачно, например: Квартира ее, соответственно, зеленела, как джунгли Амазонии, стол — ломился, как сайгак (Сегодняшняя газета. 24.09.2009); Но образованный человек знает, что сейчас арбуза лучше не есть, поскольку он весь нитратный, как подонок (Сегодняшняя газета. 17.07.2009).

Неудачным является окказионализм *Подарожники* (название статьи о подорожании подарков к Новому году (Сегодняшняя газета. 11.12.2008)), поскольку его ассоциация со словом *подарок* возникает только по прочтении значительной части статьи.

Структурной особенностью парцеллированной конструкции является расчленение единой синтаксической структуры предложения, функциональной особенностью — выделение, усиление наиболее важной информации, т.е. создание нового (дополнительного) речематического центра (или центров). Неудачна парцелляция в том случае, когда в отчленяемую часть (парцеллят) выделяется плеонастичная информация, дублирующая содержание базовой части, как, например, в следующих высказываниях: Возникает вопрос и о народе, который не только ездит за рулем, но и по улицам ходит. Ногами. «Автогражданка» как раз и гарантирует помощь тем, кто страдает в ДТП, пешеходам в первую очередь (Труд. 3.10.2003); ...Его метонахождение в день убийства в деревне могут подтвердить несколько десятков жителей. Которые в этот день видели его в селе (Сегодняшняя газета. 01.12.2003).

Речевым недочетом является такое перенасыщение текста парцелляциями, в результате которого адресату нужно «...тратить дополнительные усилия для восстановления структурно-смысловых связей между частями предложения» [Цумарев 2003: 456]: *Нас успокаивают. Мол, ничего страшного не происходит. Обычное сезонное явление. Когда на прилавки вываливается новый урожай, согласен. Но лишь при одном условии: если экономика производит только картошку, морковь и белокочанную капусту. На самом деле она выпускает еще кое-что. Например, черные металлы. Здорово подешевели. Впрочем, как и цветные* (Известия. 07.10.2009).

Одной из основных функций инверсии является выделительная, или эмфатическая, что нельзя не учитывать журналисту при использовании этого выразительного средства. *Не выполняет инверсия положенной ей функции в таком случае: Жизнь ведь не только в воздухе проходит. На земле и летчики живут* (Сегодняшняя газета. 02.10.03). В этих предложениях по логике актуального членения компоненты *в воздухе и на земле* должны занимать конечную позицию: Жизнь ведь проходит не только в воздухе. Летчики живут и на земле. Инверсия же нарушает эту логику: выделительная функция выразительного средства не реализуется должным образом.

Требования к построению парентезы: вставка не должна быть грамматически связана с предложением, в которое она включается; кроме того, она должна мыслиться как добавочная информация и не затруднять восприятие смысла текста. Эти требования нарушены в следующем отрывке: *Наталья ранее дважды судима (За грабеж и разбой. Одно из наказаний было условным)* (Сибирский календарь. 27.03.2001).

Гипербола используется для описания предметов, явлений природы, внешности человека, его чувств, нередко выполняя комическую функцию, при этом из контекста адресату должно быть понятно, что подвергается интенсификации. Этого мы не можем сказать применительно к такой гиперболе: *Располневший, но симпатичный, как плюшевый мишка, он выглядел таким домашним, неиспорченным и пьяненьким, что у Ирины аж вспотели ногти* (Сегодняшняя газета. 12.09.2003).

Непонятны причины мотивировки и литоты в следующем контексте: *В который раз собирается объехать земной шарик и сэр Пол Маккартни. Новое турне легендарный битл запланировал на 2005-й год* (Сегодняшняя газета. 02.10.2003). Литота здесь неоправданно снижает значимость события.

Критериями допустимого/целесообразного в выборе риторических средств воздействия являются этические требования и чувство вкуса, основанное на принципе соразмерности и сообразности. Об этом принципе есть высказывания как у античных авторов, так и у современных исследователей: «Фигуры полезны главным образом тем, что устраняют скуку обыденной и всегда однообразно построенной речи и избавляют нас от речи вульгарной. Если пользоваться ими умеренно и когда этого требует существо дела, как бы посыпая речь приправой, то последняя станет приятнее; но если злоупотреблять фигурами, то речь потеряет эту самую прелесть разнообразия» [Античные теории... 1996: 278]; «В чувстве меры, в „щедлости без расточительства“, а не в беспрестанном нанизывании словесных образов основной залог ясности и подлинной красоты стиля» [Горбунов 1974: 104].

Принцип соразмерности, чувство меры не соблюдаются при неоправданном нагромождении приемов, например: *Когда по-*

ведали товарищи (для кого-то вариант — граждане), которым по долгу службы, родиной порученной, положено бдительно охранять покой и средства (в смысле — деньги там всякие, драгметаллы, недвижимость и дррр.) своих менее вооруженных пистолетами и юридической смекалкой аборигенов, временами по Красноярску алчно катится просто-напросто волна-цунами какое-то — грязных обманов, печальными и несчастными жертвами которых оказывались исключительно одинокие престарелые старушки, дедушки, внушки и их еще более незащищенные портативными противопехотными минами домашние питомцы (идиотично щебечущие канарейки лимонного окраса, впавшие в маразм мопсы, кастрированные персидские олигофренствующие коты, издыхающие от ожирения, гиподинамии, и морские свинки, даунические хомячки с зубами большими, белые крысы с вечно красными буркалами и даже одна дрессированная чешуйчатопалая игуана по кличке Примус) (Сегодняшняя газета. 19 июня 2002 г.). Кроме того, семантическая немотивированность ряда фигур (в частности, инверсий) и их неудачное расположение (вторая парентеза), неоправданные отклонения от языковой нормы («алчно катится ... волна-цунами», «престарелые старушки») делают текст не только трудным для восприятия, но и обесмысливают его, приводя к коммуникативной неудаче.

Этические требования нарушает графон, используемый в заголовке МУССор на «Столбах». В заметке говорится о том, что в течение двух недель красноярские студенты наводили порядок в заповеднике «Столбы» к дню столбиста, куда приехали сторонники губернатора (его фамилия обозначена при помощи графона в заголовке), которые раздавали им футболки с символикой, календарики и свежие выпуски газеты, в результате чего заповедник оказался «по уши в мусоре, причем на этот раз политического характера». Заметка носит обвинительный характер, а графон способствует созданию прочной ассоциации политического деятеля с мусором. Преследуемые манипулятивные цели здесь входят в противоречие с этической нормой.

Безусловно, правы исследователи, которые пишут, что стремление к «речевому эпатажу», органично присущее журналист-

ским текстам и направленное на удержание внимания аудитории, обладает не только созидательной силой, но и зачастую приводит к циничности, вульгарности, антиэстетичности текста [Дускаева, Карпова 2009: 245]. Например, цинично название заметки «Старая перечница» о праздновании старейшей жительницы земли Элизабет Израэл 126 лет; вульгарен заголовок публикации, напечатанный на всю страницу: Чемпионат мира по борьбе: пиво течет рекой, а «отлить» его некуда! (Сегодняшняя газета. 29.07.1997). Нельзя назвать соответствующими эстетической категории прекрасного и такие тексты: Индийский чай, ввозимый в Россию, почти на 100 % принадлежит голландской компании «Юнилевер». <...> ...России реально угрожал многомиллиардный репутационный риск. Как только до Кремля это дошло, капровый жук тут же испарился, и больше мы про жука не слышали — ни от Онищенко, ни от Митволя, ни от других вспомогательных ударных частей по защите российского суверенитета путем пугания ежа голой задницей (Новая газета. 2008. № 10); ...В России на 1000 мужчин — 1154 женщин. А нам, женщинам, чтобы не загудеть в эти 154, нужно серьезно раскорячиться (КП. 25.05-01.06.2001). Совершенно недопустимо для журналиста использование оскорбительной лексики, например: Так вот, книга Проханова-Животова-Нефедова именно о выблядках нашего народа, незаконно среди него родившихся (Завтра. 2000. № 7).

Носителем элитарной речевой культуры является не тот журналист, который использует как можно больше средств речевой выразительности, а тот, кто это делает умеючи, зная закономерности их функционирования, соблюдая чувство меры и не нарушая этических заповедей.

ЛИТЕРАТУРА

- Античные теории языка и стиля (Антология текстов). СПб., 1996.
Горбунов А. П. Язык и стиль газеты (Из творческой лаборатории публикации); Учеб. пособие по практической стилистике для студентов-заочников факультетов и отделений журналистики гос. университетов. М., 1974.
Дускаева Л. Р., Карпова Т. Б. Речевой эпатаж современных российских СМИ:

функциональное и дисфункциональное // Этика речевого поведения российского журналиста: коллективная монография. СПб, 2009. С. 243–267.

Иванчук И. А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: Автореф. ... д. филол. наук. Саратов, 2005.

Кормилицына М. А. Целесообразность использования выразительных средств как один из показателей коммуникативной компетентности журналиста // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. Сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Вып. 11. Саратов, 2011. С. 12–19.

Сковородников А. П., Копнина Г. А. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Журнал Сибирского федерального университета. 2009. № 2 (спецвыпуск «Культура речевого общения»). С. 5–18.

Цумарев А. Э. Парцелляция // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М., 2003. С. 454–456.